

И. ИЛЬИН ОБ ИСТОКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ВЫСШЕЙ ФОРМЕ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКИХ

У статті аналізується дослідження І.О Ільїним російської філософії, її сутнісних ознак і особливостей розвитку. Уточнюється зміст категорії «національна самосвідомість» і відображення ознак російської національної самосвідомості у філософії.

Ключові слова: *нація, національна самосвідомість, російська філософія.*

В статье анализируется исследование И.А. Ильиным русской философии, ее сущностных признаков и особенностей развития. Уточняется содержание категории «национальное самосознание» и отображение признаков русского национального самосознания в философии.

Ключевые слова: *нация, национальное самосознание, русская философия.*

The research of Russian philosophy by I.A. Ilyin is analyzed in the article. The content of category “national consciousness” and reflection of elements of national consciousness in philosophy are explained.

Key words: *nation, consciousness, Russian philosophy.*

Обращение к творчеству И. Ильина не случайно. Среди русских философов можно по пальцам пересчитать фамилии тех, которых воистину можно назвать русским. К их числу по праву можно отнести И. Ильина. Творчество И. Ильина объемно, многогранно и многоаспектно, и понадобится не одно монографическое исследование, чтобы составить более или менее целостное представление о его философской системе. Однако, если кратко обозначить особенность его философствования, можно сказать, что И. Ильин – представитель православной философии. Разумеется, что к православной философии он «пришел» не сразу. Но, как православный философ, И. Ильин проявил себя самобытно и фундаментально, отмечая требование соответствовать «запросам времени», отвечать на его «вызовы» - требование едва ли не важнейшее, унаследованное философской мыслью наших дней от эпохи Модерна. О, безусловно, философия вроде бы должна освещать пути и тупики человеческие, помогать хотя бы правды, если не

истины, протискиваться к истокам бытия и сознания в хайдеггеровском стиле. Ну, скажите, на милость, какой прок в анализе, например, русской сказки? Иное дело - древнегреческий миф! Здесь есть, где разгуляться диалектической мысли. Ан, нет! И. Ильин обращается к русской сказке, о чем свидетельствует его блестящая работа «Духовный смысл сказки».

Между тем, еще апостол Павел предупреждал: «...Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим 12, 2). Достоин внимания, что С.С. Аверинцев, цитируя это высказывание в одном из своих докладов в 1993 г., вводит в контекст размышлений *об этике сопротивления* [1, с. 763-775]. Действительно, если самая властная власть – это власть времени, то И. Ильин, сопротивляясь времени, в своем философствовании являл *философию сопротивления*. Философия как таковая не может не быть в той или иной степени *философией сопротивления*. Из сказанного следует, что И.А. Ильин, обращаясь к анализу русской сказки, считал, что нет более важной вещи, чем анализ истоков русского самосознания.

В данном случае речь, разумеется, не идет о бесплодном и бессмысленном консерватизме. Речь о некоей толике творческого консерватизма, без которого теряет опору здравая мысль. И. Ильин сам уточняет свою консервативную позицию. Она достойна внимания, и мы приведем полностью это обоснование. «То, что я предлагаю здесь, есть исследование души и судьбы моего народа. Уже только поэтому я совершенно не занимаюсь современностью: она еще не созрела для исследования. В своих размышлениях я стремлюсь показать истинное лицо и творческую идею моего народа и хотел бы при этом предупредить, что мое русское происхождение и моя русская сущность не осложняют мне решение этой задачи, а, напротив, значительно облегчают ее и, возможно, даже делают ее доступнее. Ибо я владею языком моего народа, это и мой собственный язык; язык же есть фонетическое, ритмическое и морфологическое выражение народной души. Я переживал пространственную и природную данность моего народа, я вырос в ней и мог наслаждаться ею до 39 лет своей жизни. А природа является колыбелью, мастерской, смертным ложем народа; пространство же есть судьба и его воспитатель, преддверие его творческого духа, его окно к Богу. Я знаю творческий акт моего народа и живу в нем как человек и ученый; я знаю, как мой народ любит и верует, созерцает и обдумывает, работает и голодает, страдает, смеется и танцует. Всю свою жизнь изучал я историю моего народа, его историческую борьбу, его страдания, его проблемы, оценку его прошлого и колыбель его будущего, и я постараюсь воздать всему этому должное в своих исследовательских суждениях» [6, с. 374 - 375].

Сказанное русским философом поражает своей искренностью и конкретностью характеристик тех проблем, которые анализировались. И что поражает в приведенном отрывке – это отсутствие всякой патетики и философского лоска; все просто и понятно, здесь

отсутствует всякая заумная метафизика. Точно И.А. Ильин хочет сказать, что в XX в., когда бессовестное деячество, оголтелый идеологизм и националистическая одержимость притязают на роль опор востребованного новейшим временем образа мысли, можно, разумеется, придерживаться Спинозовской установки: не плакать, не смеяться, а понимать - и тем самым приобрести своеобразную индульгенцию для своей философской совести, и, тем не менее, есть идеи, которым стоит посвятить всю жизнь. Одной из них является русская идея. В сказанном И. Ильиным «просматриваются» два момента: во-первых, «со-бытие мысли», обеспечивающее его реальную связь с прошлым и будущим, его непреходящую проблематичность и, во-вторых, трезвость духовного сопротивления. Поэтому для И. Ильина размышления о сущности и судьбе русской культуры оказывается более важным, чем Время и актуальные, на первый взгляд, проблемы сего дня. И русскую идею, как составляющую отечественной философии, И. Ильин анализирует в контексте того бремени, которую несет на себе русский человек.

Русский человек, по мнению И. Ильина, несет в себе три бремени. *Первое бремя – это бремя земли*, или бремя пространства [3, с. 20-21] которое «само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им» [3, с. 20] К сожалению, русский человек не овладел пространством. «Культурная энергия», о которой говорил Н. Бердяев в «Судьбе России», сосредоточена в отдельных местах, или культурных топосах. А остальное пространство? Оно до сих пор остается не окультуренным, и до сих пор остается не решенной проблемой сегодняшней России. Необъятное пространство России влияло на поведение, формирование духовных ценностей. Русской душе присуща не только духовная свобода, поскольку последняя предполагает внутреннюю дисциплину. Русский человек катится вниз по линии наименьшего сопротивления, ищет легкости и не терпит внутреннего напряжения, связанного с хозяйственной деятельностью. «И как нам быть в будущем, - вопрошает И.Ильин, - с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени – об этом должны быть теперь все наши помыслы [3, с. 11].

Второе бремя русского человека – это *бремя природы*, наполненной несметными богатствами, но сокрытыми в глубине, «не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность [3, с. 21]. И это бремя породило биосферную экономику, которая, в свою очередь, углубляет расточительное отношение к природным богатствам и порождает чувство уверенности, что «у нас всего много», что «на всех хватит да еще и останется».

Третье бремя русского человека есть *бремя народности*, или полиэтничности, которое пыталась подъять досоветская Россия и не смогла сберечь коммунистическая верхушка в СССР. Но на сколько, же прав И.Ильин, когда акцентирует внимание на следующем: «Велик в своем служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своем. Глубок, и самобытен, и окрылен в богосозерцании. Но страстна и широка его душа и по-детски

отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – перекрестился; и сгинет нечистое наваждение» [3, с. 25].

И. Ильин не случайно говорит о том, что для русского человека народность – это бремя. В России никогда толком не решались проблемы национальной идентичности. Известный лозунг министра просвещения России графа Уварова - «Православие. Самодержавие. Народность» - пытались превратить в некую политическую религию. И.Ильин понимал, что этот «имперский национальный проект» оказался утопичным в своей основе, поскольку не был до конца продуманным и конкретизированным в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения. И для «великороссов» жизнь, быт, культура «инородцев» всегда была тяжким бременем. Оно таково, что русский человек с тоской и внутренним надрывом идентифицировал себя с Россией. В результате все время происходило сужение пространства общих ценностей и святынь. В результате появлялось все больше людей (особенно среди представителей интеллигенции!), находящихся во все большей духовной дистанции от России и живущих из периферии чувств, а не из самого сердца. Как закономерный итог: человек оказывался с радикально хаотическими смыслами существования в своей собственной жизни. В этом суть базисной беды человеческой жизни. И это многое объясняет, почему русский человек XX ст. считает веком падения в уничтожающий себя нигилизм и социальный анархизм. И. Ильин остро переживал свою эмиграцию в Западную Европу, свидетельством чего служит его блестящая работа «Духовный смысл сказки». «И вот, кто хочет вправду услышать сказку, тот должен пробиться сквозь толщу своей душевной прозы и окаменевшей трезвости; или, если угодно, растворить ее; или, еще лучше, погасить ее так, как задувают свечку – и уйти в темные недра душевной ночи. Внять иному – по-иному; новому – по-новому; таинственному – таинственно» [5, с. 265]. На это способен лишь тот, кто живет сказкою. Человек, живущий сказкою, имеет дар и счастье по-детски, по-младенчески вопрошать другого о первой и последней жизненной мудрости и по-младенчески внимать ответам понятным и мудрым. Но есть ли люди, живущие сказкою? И не выдумка ли это русского философа, который затосковал по России? Ведь не простой вопрос сформулировал И. Ильин, разделив людей на два типа – живущих сказкою и не живущих сказкою. Что означает понятие «человек, живущий сказкою»? Жить сказкою – значит уйти от пут рационального сознания, «от постылых необходимостей», которыми полна-полнѐхонька повседневная и не только повседневная жизнь человека, уйти от проклятых запретов социального мира и невозможностей внешнего (материального) мира. Человек, будучи телесным, повинуется законам вещества и тяготения, времени и пространства. Человек, живущий сказкою, ищет смысл земной жизни в «суеверно-языческой мудрости» [2, с. 268]. Человек, живущий сказкою, в начале пути к Богу, к христианской мудрости, и поэтому

для него жизнь наполнена тревогами, загадками и благоговением. Но есть в русских сказках три фундаментальных вопроса: Что такое счастье? Что такое судьба? Что такое зло?

Что такое счастье? Кто способен дать четкий, простой, и, может быть, однозначный ответ? Неужели счастье в деньгах, богатстве, в разгуле, в телесных удовольствиях, во власти, в телесном здоровье? А может быть, счастье – «в любви к свободе», в повседневной доброте и правоте? Или, может быть, в жертвенной любви? Человеческое счастье – это не просто душевное состояние, которое весьма и весьма изменчиво. Жизнь человеческая – это «слоёный пирог» из прошлых и актуальных испытаний и страданий, трудов праведных и совершенно не нужных, порожных. И только на закате жизни человек оценивает, чего же больше в жизни было – страданий и испытаний, и каков их итог или результат. В повседневной жизни человеку приходится, начиная с лет весьма и весьма юных, решать задачу, которая излагается в нижеследующей притче.

Приходит сатана к человеку и говорит:

- На моих весах на одной чаше все золото мира, а на другой вся мудрость мира. Выбирай! Но знай, что выбрав одно, ты теряешь другое.

Для христианина изложенная притча не проблема, ибо «не можете служить Богу и мамоне» (Мф., 6), «...Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф., 6).

Человеческое счастье связано с судьбой. *Что такое судьба?* Судьба – это некая линия жизни человека, которая складывается не только от поступков человека, но и из исходных условий, т.е. от того, что называется «на роду написано». Но человек не может покорно сидеть у моря и ждать погоды. Всегда ли человек обращается к своей воле, к своему разуму, которыми наделил его Господь? Чаше человек катится по жизни как Колобок. Так проще и беззаботнее, а главное – беспроблемнее. Не нужно, например, думать о добре и зле. Ведь есть в мире злые силы, злые существа, которые способны «сломать» человека и лишит его жизни. И всегда ли за содеянное зло виновник наказывается?

Человек, живущий сказкою, всегда интимно-созерцательно ставит вопросы о том, что всегда и для всех людей очень важно: «о смысле и о путях жизни» [Там же, с. 271] «И сказка отвечает не о том, чего нет и не бывает, а о том, что всегда и теперь есть, и всегда будет, пока человек будет томиться на земле» [Там же].

Ну, а те, кто не живет сказкою и рассчитывают лишь на свою волю и собственный разум? Среди этого типа людей есть множество несчастных, страдающих внутренне раздвоенных душ, шизофреников и полушизофреников. Но если и встречаются цельные натуры, живущие без всякого раздвоения, то они *просто наслаждаются злом* и для них важнее всего на свете стяжательство и стремление к власти во всех ее проявлениях, но особенно политической власти. Они заражены честолюбием и властолюбием. По слову ап. Павла, люди, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но

осустились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим 1). И этим с особым вниманием занялись искусство и философия, поскольку человеку XIX и XX ст. захотелось побольше узнать о демоническом в человеке, который играет в добро и зло, предаваясь дурным страстям, неукротенным инстинктам. Для демонического человека важнее всего «жизнь без Бога». Демонический человек – это начало сатанистского в нем, это - начало *духовной бездны*. «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия...» (Рим. 1). Человек, отдавший себя во власть демонического начала, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут сострадание, жалость, доброта, честь и совесть, он предается телесности и сознательной порочности. Демонический человек полон отвращения, ненавистью к людям совести и порядочности, добра и сострадания. В демоническом человеке не утихает смрадный огонь.

По мнению И. Ильина, вопросы, на которые отвечает русская сказка, всегда касаются в разной форме национального мироощущения и национальной судьбы. «Сказки, - подчеркивает И. Ильин, - содержат в себе жизненную философию магической, доисторической эпохи народа. Таковы и русские сказки: в них слышится детство русской души, вопрошающей и размышляющей о смысле жизни и природы, о путях добра и зла. В них философия и миф стали художеством; в них – усилие над развязыванием узлов национального характера. В них - начало формирования национального мироощущения и познания жизни» [4, с. 58].

Использованная литература

1. *Аверинцев, С.С.* Будущее христианства в Европе: опыт ориентации / Аверинцев С.С. Собрание сочинений. - София – Логос. Словарь, К., 2006. – С. 763 – 775.
2. *Ильин, И.А.* Духовный смысл сказки // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. Кн. II. – М., 1997. – С. 271.
3. *Ильин, И.А.* О России // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. Кн. II. – М., 1993. – С. 21.
4. *Ильин, И.А.* Русская душа в своих сказках и легендах // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. Кн. III. – М., 1997. – С. 58.
5. *Ильин, И.А.* Русские писатели. Литература. Театр. Музыка // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6. Кн. II – М., 1996. – С. 265.
6. *Ильин, И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6, кн. II – М.: Русская книга, 1996. - С. 374 – 375.

Статья поступила в редакцию 11.04.2013 г.